

10 (23) марта

Священномученик
Димитрий (Легейдо)

Священномученик Димитрий родился 26 октября 1880 года в селе Большие Сорочинцы Полтавской губернии в семье казака Константина Легейдо. Успешно занимаясь торговлей, Константин Легейдо приумножил земное имущество. Но Димитрия не привлекала торговля, и он, как купец, ищущий драгоценной жемчужины, выбрал своим поприщем служение Богу. В 1904 году Димитрий окончил Тифлисскую Духовную семинарию и был рукоположен во диакона ко храму в селе Нины Ставропольской губернии, а затем – во священника и служил в храме в станице Неберджаевской неподалеку от Крымска Кубанской области. В 1918 году Кубань стала ареной ожесточенных боев гражданской войны, развязанной большевиками против русского народа и народов России. В 1918 году, во время пребывания в станице Неберджаевской белых, был арестован и осужден на смерть один из красногвардейцев; когда его уже повели на площадь, чтобы казнить, отец Димитрий вступился за него и спас ему жизнь. При власти белых священник регулярно передавал продукты заключенным красногвардейцам.

В августе 1931 года отец Димитрий был назначен служить в Вознесенскую церковь в городе Геленджике Краснодарского края. Своей активной пастырской деятельностью и проповедями он вскоре привлек внимание ОГПУ, и о нем стали собираться соответствующие сведения. 21 апреля 1932 года священник был арестован по обвинению в антисоветской религиозной деятельности, которую он направлял против мероприятий советской власти. В мае 1932 года сотрудники ОГПУ допросили местных жителей, после чего были устроены очные ставки свидетелей со священником.

«Не было бы колхозов, не было бы тех мучений, какие есть; над народом издеваются, но скоро будет Суд, который потрясет мир... – заявил священник, как утверждал на очной ставке свидетель. – Служители Христа переносят большие мучения и издевательства, но скоро будет Суд, который будет судить мир...»¹

Выслушав его показания, отец Димитрий сказал: «Разговора в таком духе не было. О прославлении Христа разговора не отрицаю, но что не было бы колхозов, не было бы мучений, и что коммунисты посланы за грехи, я не говорил. Разговора о том, что служители Христа переносят большие мучения, не было, но не отрицаю, что мог быть разговор, что мы подвергаемся насмешкам»².

После очных ставок следователь снова допросил священника, и отец Димитрий сказал: «Винность свою в предъявленном мне обвинении я отрицаю, хотя и не отрицаю, что временами неудовольствия с моей стороны были. Большею частью эти неудовольствия сводились к материальным вопросам. Предъявленные мне свидетельские показания я частично признаю – в частности, разговор о прославлении Христа, о том, что чем больше грешат люди, тем строже будут наказываться. Но часть разговоров была неправильно понята. Преднамеренной антисоветской агитации против власти я не вел, и о том, что нужно выходить из колхозов, что коммунисты будут стоять перед Страшным Судом, я не говорил»³.

Областное начальство ОГПУ потребовало от местных сотрудников допросить еще ряд свидетелей, чтобы доказать наличие контрреволюционной организации. После допросов местные сотрудники ОГПУ написали: «Препровождая дополнительный следственный материал и справку по делу Легейдо, сообщаем, что выявить наличие антисоветской группировки путем допросов предлагаемых вами лиц не удалось.

Все допрошенные, по существу, являются дряхлыми стариками и старухами и ценных данных в процессе допроса не дали»⁴.

Одна из дополнительно допрошенных свидетельниц показала: «Были случаи, когда я делилась с ним своим горем, как например, у меня забрал фининспектор... буфет, стол, зеркало и другие домашние вещи... Отец Димитрий, утешая меня, сказал: “Не отчаивайтесь, молитесь и терпите, все это земное, нужно думать больше о загробной жизни”.

В то время, когда на праздниках я у него встречала прихожан, то обычно те пили чай, пели и вели разговоры... о внутренней жизни каждого»⁵.

28 ноября 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Димитрия к трем годам ссылки в Казахстан, и он был сослан в Чимкент, где ему пришлось работать инкассатором-счетоводом.

11 сентября 1937 года власти арестовали священника, и он был заключен в чимкентскую тюрьму. 14 сентября отец Димитрий был допрошен и на вопрос следователя, участвовал ли он в контрреволюционной деятельности и признает ли себя виновным, ответил, что в контрреволюционной деятельности не участвовал и виновным себя не признает.

19 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к десяти годам заключения в концлагерь, и 21 января 1938 года он прибыл с алма-атинским этапом в 10-е отделение Бамлага.

13 марта начальник 1-й колонны, к которой был приписан отец Димитрий, и помощники по труду и культурно-воспитательной работе составили на священника характеристику, в которой написали, что со дня своего прибытия в лагерь тот не выходил на работу, является злостным отказчиком и воспитанию не поддается.

15 марта был допрошен лжесвидетель, который также показал, что отец Димитрий был злостным отказчиком от работы и вел антисоветскую агитацию. Самого священника при этом ни разу не допросили. 31 марта 1938 года тройка НКВД приговорила отца Димитрия к расстрелу, но расстрелять его уже не могли – 23 марта 1938 года священник Димитрий Легейдо скончался и был погребен в неизвестной могиле.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Март».

Тверь. 2006. С. 124-126

Библиография

Свет Православия в Казахстане. Приложение. Календарь Казахстанских новомучеников (январь-сентябрь). Издание Алма-Атинской епархии. 2002. С. 14.

УФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-23182.

ИЦ УВД Амурской обл. Д. Р-1896.

Примечания

---

¹ УФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-23182, л. 8.

² Там же. Л. 19 об.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ Там же. Л. 42.